

«Так ты вернулся, да?»

Ухмылка Вернона Дурсля была непревзойденной по обхвату и злобным намерениям, как будто один только прищур его черных зрачков-бусинок мог вызвать у племянника самовозгорание. Вес его переместился на одну ногу, и было почти не заметно, что он опирается на левую, пока приближение Гарри не заставило его выпрямиться и одернуть рукава рубашки.

Гарри вздохнул, не спеша подталкивая тележку к толстяку. Дядя, похоже, был в еще более скверном настроении, чем обычно, но, возможно, он вспоминал о бокалах, которые подпрыгивали у него на голове прошлым летом, когда Дамблдор пришел, чтобы спасти Гарри. Это было потрясающее зрелище: испуганные лица тёти и дяди, когда причудливые золотые кубки невинно подпрыгивали у них над головой.

При мысли о Дамблдоре воспоминание заставило его слабо улыбнуться. Иногда ему все еще казалось, что, свернув за угол, он увидит кривой нос директора, выглядывающий из-за книги.

«Удачный год, дядя Вернон?» доброжелательно сказал Гарри.

Но Вернон, казалось, был занят чем-то другим. Его глаза сузились, почти скрытые тяжелыми мешками, а взгляд остановился на двух других людях, которые шли позади Гарри слишком близко, чтобы ему было удобно.

«Кто они?»

Гарри обернулся, чтобы посмотреть на двух своих спутников. «О, это мои друзья», - объяснил он, настороженно глядя на дядю. «Гермиона и Рон».

Лицо Вернона приобрело довольно неприятный оттенок пурпура при таком представлении. «Я больше не буду встречаться с вашими людьми, нет, не буду!» - твёрдо заявил он, бросив на Гарри злобный взгляд.

Однако на Гарри это не произвело никакого впечатления. По сравнению с многочисленными чудовищами, как тварями, так и людьми, с которыми он сталкивался за свою короткую жизнь, его дядя занимал довольно низкое место по шкале страха. Возможно, когда он был маленьким, то после особенно жестокого дня в доме Дурслей затихал в чулане под лестницей, но теперь он знал, что чудовища в чулане - ничто по сравнению с теми, что свободно разгуливали по мощеным улицам Диагон-Алли и постоянно расширяющимся полям Шотландии. Вернон Дурсль, например, никогда не встречался с Дементором и не был вынужден снова и снова слышать последние слова своей матери. Он также никогда не чувствовал, как склизкая ледяная кожа Инфери цепляется за его руку, пытаясь утащить его в глубины, и не наблюдал в ужасе, как возрождается монстр, как он поднимается над бурлящим котлом, а его красные змееподобные глаза проникают в каждую клетку его тела.

Нет, Вернон Дурсль вряд ли внушал ужас.

«Они останутся у нас», - сообщил Гарри, неосознанно выпрямляя осанку. «Никаких споров. Просто потерпите до моего дня рождения, и мы навсегда исчезнем из вашего поля зрения. Позвольте им остаться, дядя Вернон; это самое меньшее, что вы можете сделать после всего».

Вернон возмущенно надулся, оскорбленный тем, что его «ненормальный» племянник чувствует себя так комфортно, приказывая ему. Ну и наглость у этого мальчишки! «Почему ты... «самое малое, что ты можешь сделать?» Ты неблагодарное отродье! Ты должен быть благодарен за все, что мы для тебя сделали! Мы кормили тебя, одевали, давали тебе крышу над головой и кровать для сна! Ты не имеешь права говорить мне...»

Рон и Гермиона обменялись многозначительными взглядами. Так это и был печально известный Вернон Дурсль. Они видели этого огромного мужчину издали - не заметить его было очень трудно, - но никогда не были так близко, чтобы разглядеть вены, выступившие на его лбу, и то, как сжались его толстые кулаки при словах Гарри. Гермиона поборола желание схватить Рона за руку, в одно мгновение поняв, какой властью обладал этот человек в детстве её друга. Один взмах толстой руки, даже случайный, отправил бы тощего Гарри в полёт. Внимательно наблюдая за реакцией Гарри, она с удивлением обнаружила, что выражение его лица не поддаётся прочтению. Если бы она не знала ничего лучше, то решила бы, что ему скучно.

«Нет, - твердо перебил Гарри, глядя на нее холодными глазами. «Ты кормил меня объедками Дадли, давал мне его огромную одежду и заставлял спать в чулане под лестницей в течение одиннадцати лет, пока магия не напугала тебя настолько, что ты не выделил мне нормальную спальню». Все это время голос Гарри оставался спокойным и контролируемым, но Гермиона и Рон слышали, как под ним едва сдерживаются эмоции. «Мне нужно кое-что сделать, кое-что, что повлияет на тебя, хочешь ты этого или нет. Фактически, это определит, сможешь ли ты продолжать вести свой поверхностный образ жизни».

«Но я смогу сделать это только после своего дня рождения, а я обещал Дамблдору терпеть тебя до этого времени. Так будь же хоть раз моим дядей и позволь им остаться!»

Вернон зашипел, и большая пульсирующая вена на его шее грозила лопнуть. После некоторого раздумья Вернон неохотно жестом приказал троим сесть в машину. Когда они загружали свои чемоданы в багажник машины Вернона, Рон торжествующе хлопнул Гарри по спине и прошептал: «Ты ему еще покажешь, приятель!».

Гарри позволил себе улыбнуться.

Поездка обратно на Тисовую улицу была неловкой, особенно если учесть, что Вернон каждые несколько минут поглядывал в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что подростки не занимаются никакими «забавными делами». Все сидевшие в машине почувствовали огромное облегчение, когда Вернон сурово велел им выходить.

Всё было так, как Гарри и запомнил. Газон был безукоризненно подстрижен и удивительно зелёный, хотя он подозревал, что тётя Петуния немного схитрила. В конце концов, ему никогда

не удавалось избавиться от увядших жёлтых пятен, даже после всех угроз и наказаний, когда ему это не удавалось. Вдоль каменной дорожки, ведущей от подъездной аллеи к входной двери, выстроились в идеальную линию жёлтые петунии и фиолетовые тюльпаны. Гарри нахмурился: ему показалось, что под ногтями снова грязь, а палящее солнце жжет спину с тех пор, как Дадли спрятал солнцезащитный крем.

<http://tl.rulate.ru/book/120219/4955832>